

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

ОТ ДВУХ
ДО ПЯТИ

Корней Чуковский

От двух до пяти

Чуковский К. И.

От двух до пяти / К. И. Чуковский —

В книге «От двух до пяти» сформулированы основные взгляды К.И.Чуковского на детскую литературу, обобщены наблюдения над развитием языка детей, опубликованы «заповеди для детских поэтов». Книга дополнена статьей «Признания старого сказочника», опубликованной посмертно. Издание адресовано широкому кругу читателей: родителям, педагогам, детским психологам, художникам, поэтам, писателям.

Содержание

Глава первая	6
I. Прислушиваюсь	6
II. Подражание и творчество	12
Детское чутье языка	12
Неосознанное мастерство	13
Величайший труженик	16
III. «Народная этимология»	18
Осмысление речи бессмыслицей	20
IV. Действенность	24
V. Завоевание грамматики	28
За – Вы – На – Рас – Об	28
Льзя и Нельзя	29
Он и она	31
«Клевачий петух»	32
Скрещивание слов	33
Типичные «ошибки» детей	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Корней Чуковский

От двух до пяти

Последние издания этой книги я посвящал своей единственной правнучке Маше. Но Маша уже давно не единственная. Добрая моя судьба то и дело обогащает меня все новыми и новыми правнуками. Теперь у меня кроме Маши есть и Юра, и Боба и Коля, и Андрюша, и Марина, и Митя. Каждому из них и всем вместе я посвящаю эту правдивую книгу, а также их внукам и правнукам, которые будут жить и работать в завтрашнем двадцать первом столетии.

Глава первая Детский язык

*... Но всех чудес прекрасных на земле
Чудесней слово первое ребенка.*

Петр Семьинин

І. Прислушиваюсь

Когда Ляле было два с половиной года, какой-то незнакомый спросил ее в шутку:

– Ты хотела бы быть моей дочкой?

Она ответила ему величаво:

– Я мамина и больше *никовойная*.

Однажды мы гуляли с ней по взморью, и она впервые в жизни увидела вдали пароход.

– Мама, мама, паровоз купается! – пылко закричала она.

Милая детская речь! Никогда не устану ей радоваться.

С большим удовольствием подслушал я такой диалог:

– Мне сам папа сказал...

– Мне сама мама сказала...

– Но ведь папа *самее* мамы... Папа гораздо *самее*.

Было приятно узнавать от детей, что у лысого *голова босиком*, что от мятных лепешек во рту сквознячок, что гусеница – жена гуся, а муж стрекозы – *стрекозёл*.

И весело мне было услышать, как трехлетняя спящая девочка внезапно пробормотала во сне:

– Мама, закрой мою заднюю ногу!

И очень забавляли меня такие, например, детские речения и возгласы, подслушанные в разное время:

– Папа, смотри, как твои брюки нахмурились!

* * *

– Бабушка! Ты моя лучшая любовница!

* * *

– Ой, мама, какие у тебя толстопузые ноги!

* * *

– Наша бабуля зарезала зимою гусей, чтоб они не простудились.

* * *

– Мама, как мне жалко лошадок, что они не могут в носу ковырять.

* * *

– Бабушка, ты умрешь?

– Умру.

– Тебя в яму закопают?

– Закопают.

– Глубоко?

– Глубоко.

– Вот когда я буду твою швейную машину вертеть!

* * *

Жорж разрезал лопаткой дождевого червя пополам.

– Зачем ты это сделал?

– Червячку было скучно. Теперь их два. Им стало веселее.

* * *

Старуха рассказала четырехлетнему внуку о страданиях Иисуса Христа: прибили Боженьку гвоздями к кресту, а Боженька, несмотря на гвозди, воскрес и вознесся.

– Надо было винтиками! – посочувствовал внук.

* * *

Дедушка признался, что не умеет пеленать новорожденных.

– А как же ты пеленал бабушку, когда она была маленькая?

* * *

Девочке четырех с половиною лет прочли «Сказку о рыбаке и рыбке».

– Вот глупый старик, – возмутилась она, – просил у рыбки то новый дом, то новое корыто. Попросил бы сразу новую старуху!

* * *

– Как ты смеешь драться?

– Ах, мамочка, что же мне делать, если драка так и лезет из меня!

* * *

– Няня, что это за рай за такой?

– А это где яблоки, груши, апельсины, черешни...

– Понимаю: рай – это компот.

* * *

– Тетя, вы за тысячу рублей съели бы дохлую кошку?

* * *

Басом:

– Баба мылом морду моет!

– У бабы не морда, у бабы лицо.

Пошла поглядела опять.

– Нет, все-таки немножечко морда.

* * *

– Мама, я такая *распутница*!

И показала веревочку, которую удалось ей распутать.

* * *

– Жил-был пастух, его звали Макар. И была у него дочь *Макарона*.

* * *

– Ой, мама, какая прелестная гадость!

* * *

– Ну, Нюра, довольно, не плачь!

– Я плачу не тебе, а тете Симе.

* * *

– Вы и шишку польете?

– Да.

– Чтобы выросли *ишиенята*?

Окончание «ята» мы, взрослые, присваиваем только живым существам: ягнята, поросята и проч. Но так как для детей и неживое живо, они пользуются этим окончанием чаще, чем мы, и от них всегда можно услышать:

– Папа, смотри, какие *вагонята* хорошенькие!

Сережа двух с половиной лет впервые увидел костер, прыщущий яркими искрами, захлопал в ладоши и крикнул:

– Огонь и *огонята*! Огонь и *огонята*!

* * *

- Ой, дедуля, киска чихнула!
- Почему же ты, Леночка, не сказала кошке: на здоровье?
- А кто мне скажет спасибо?

* * *

Философия искусства:

- Я так много пою, что комната делается большая, красивая...

* * *

- В Анапе жарко, как сесть на примус.

* * *

- Ты же видишь: я вся босая!

* * *

- Я встану так рано, что еще поздно будет.

* * *

- Не туши огонь, а то спать не видать!

* * *

Рисует цветы, а вокруг три десятка точек.

- Что это? Мухи?
- Нет, запах от цветов.

* * *

- Обо что ты оцарапался?
- Об кошку.

* * *

Ночью будит усталую мать:

- Мама, мама, если *добрый* лев встретит *знакомую* жирафу, он ее съест или нет?

* * *

– Какой ты страшный *спун*! Чтобы сейчас было *встато*!

* * *

Лялечку побрызгали духами:

Я вся такая *пахлая*.

Я вся такая *духлая*.

И вертится у зеркала.

– Я, мамочка, *красавлюсь*!

* * *

– Когда же вы со мной поиграете? Папа с работы – и сейчас же за книгу. А мама – барыня какая! – сразу стирать начала.

* * *

Все семейство поджидало почтальона. Он появился у самой калитки. Варя первая заметила его.

– *Почтаник, почтаник* идет! – радостно возвестила она.

* * *

Хвастают, сидя рядом на стульчиках:

– Моя бабушка ругается: черт, черт, черт.

– А моя бабушка ругается: гошподи, гошподи, гошподи, гошподи!

* * *

Юра с гордостью думал, что у него самая толстая няня. Вдруг на прогулке в парке он встретил еще более толстую.

– Эта тетя *заднее* тебя, – укоризненно сказал он своей няне.

* * *

Замечательное детское слово услышал я когда-то на даче под Питером в один пасмурный майский день. Я зажег для детей костер. Издали солидно подползла двухлетняя соседская девочка:

– Это *всехный* огонь?

– *Всехный, всехный*! Подходи, не бойся!

Слово показалось мне таким выразительным, что в первую минуту я, помнится, был готов пожалеть, почему оно не сделалось «всехным», не вошло во «всехный» обиход и не вытеснило нашего «взрослого» слова «всеобщий».

Я как вижу уличный плакат:

ВСЕХНАЯ РАБОТА НА ВСЕХНОЙ ЗЕМЛЕ
ВО ИМЯ ВСЕХНОГО СЧАСТЬЯ

* * *

Так же велика выразительность детского слова *сердитки*. Трехлетняя Таня, увидев морщинки на лбу у отца, указала на них пальцем и сказала:

– Я не хочу, чтобы у тебя были *сердитки*!

* * *

И что может быть экспрессивнее отличного детского слова *смеяние*, означающего многократный и длительный смех.

– Мне аж кисло во рту стало от баловства, от *смеяния*.

* * *

Трехлетняя Ната:

– Спой мне, мама, *баюльную* песню!

«*Баюльная* песня» (от глагола «баюкать») – превосходное, звучное слово, более понятное детям, чем «колыбельная песня», так как в современном быту колыбели давно уже сделались редкостью.

* * *

Повторяю: вначале эти речения детей казались мне просто забавными, но мало-помалу для меня, благодаря им, уяснились многие высокие качества детского разума.

II. Подражание и творчество

Детское чутье языка

Если бы потребовалось наиболее наглядное, внятное для всех доказательство, что каждый малолетний ребенок есть величайший умственный труженик нашей планеты, достаточно было бы приглядеться возможно внимательнее к сложной системе тех методов, при помощи которых ему удастся в такое изумительно короткое время овладеть своим родным языком, всеми оттенками его причудливых форм, всеми тонкостями его суффиксов, приставок и флексий. Хотя это овладение речью происходит под непосредственным воздействием взрослых, все же оно кажется мне одним из величайших чудес детской психической жизни.

У двухлетних и трехлетних детей такое сильное чутье языка, что создаваемые ими слова отнюдь не кажутся калекami или уродами речи, а, напротив, очень метки, изящны, естественны: и «сердитки», и «духлая», и «красавлюсь», и «всехный».

Сплошь и рядом случается, что ребенок изобретает слова, которые уже есть в языке, но неизвестны ни ему, ни окружающим.

На моих глазах один трехлетний в Крыму, в Коктебеле, выдумал слово *пулять* и *пулял* из своего крошечного ружья с утра до ночи, даже не подозревая о том, что это слово спокон веку существует на Дону, в Воронежской и Ярославской областях. В известной повести Л.Пантелеева «Ленька Пантелеев» ярославская жительница несколько раз говорит: «Так и *пуляют*, так и *пуляют*!»

Другой ребенок (трех с половиною лет) сам додумался до слова *никчемный*.

Третий, неизвестного мне возраста, изобрел слова *обутки* и *одетки* (это было в черноморской степи под Одессой), совершенно не зная о том, что именно эти два слова точно в таком же сочетании существуют в течение столетий на севере, в Олонецком крае. Ведь не читал же он этнографических сборников Рыбникова, записавшего некую фольклорную сказку, где были, между прочим, такие слова: «Получаю по обещанию пищу, *обутку* и *одетку*».¹

Самая эта двучленная формула «обутка и одетка» была самостоятельно создана ребенком на основании тех языковых предпосылок, которые даны ему взрослыми.

– Ах ты, стрекоза! – сказала мать своей трехлетней Ирине.

– Я не стрекоза, а я *людь*!

Мать сначала не поняла этой «люди», но потом случайно обнаружила, что за тысячи километров, на Урале, человек издавна называется «людью». Там так и говорят:

– Ты что за *людь*?²

Таким образом, ребенок порою самостоятельно приходит к тем формам, которые создавались народом в течение многих веков.

Чудесно овладевает детский ум методами, приемами, формами народного словотворчества.

Даже те детские слова, которых нет в языке, кажутся почти существующими: они могли бы быть, и только случайно их нет. Их встречаешь как старых знакомых, как будто уже слышал их когда-то. Легко можно представить себе какой-нибудь из славянских языков, где в качестве полноправных слов существуют и *сердитки*, и *никовойный*, и *всехный*.

Или вот, например, слово *нырьба*. Ребенок создал его лишь потому, что не знал нашего взрослого слова «ныряние». Купаясь в ванне, он так и сказал своей матери:

---

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. III. М., 1910, с. 177.

² Даль приводит это слово как старинное (Толковый словарь, т. II. М., 1955, с. 284).

– Мама, скамандуй: «К *нырьбе* приготовиться!»

Нырьба – превосходное слово, энергичное, звонкое; я не удивился бы, если бы у какого-нибудь из славянских племен оказалось в живом обиходе слово *нырьба*, и кто скажет, что это слово чуждо языковому сознанию народа, который от слова ходить создал слово *ходьба*, от слова косить – *косьба*, от слова стрелять – *стрельба* и т. д.

Мне сообщили о мальчике, который сказал своей матери:

– Дай мне нитку, я буду *нанитывать* бусы.

Так осмыслил он слова «нанизывать на нитку».

Услыхав от какого-то мальчика, будто *лошадка* *копытнула* его, я при первом удобном случае ввернул эти слова в разговор с моей маленькой дочерью. Девочка не только сразу поняла их, но даже не догадалась, что их нет в языке. Эти слова показались ей совершенно нормальными.

Да они такие и есть – порою даже «нормальнее» наших. Почему, в самом деле, ребенку говорят о лошади – *лошадка*? Ведь лошадь для ребенка огромна. Может ли он звать ее уменьшительным именем? Чувствуя всю фальшь этого уменьшительного, он делает из *лошадки* – *лошаду*, подчеркивая тем ее громадность. И это у него происходит не только с *лошадкой*: подушка для него зачастую – *подуха*, чашка – *чаха*, одуванчик – *одуван*, гребешок – *гребёх*.

– Мама, смотри, петух без *гребеха*.

– Уй, какую мы нашли *сыроегу*!

– В окне на Литейном вот такая *игруха*!

Сын профессора А. Н. Гвоздева называл большую ложку – *лога*, большую мышь – *мыха*:

– Дай другую *логу*!

– Вот какая *мыха*!

Пушку называл он – *пуха*, балалайку – *балалая*.³

Наташа Шурчилова мамины босоножки зовет: *босоноги*.

Во всех этих случаях ребенок поступает точно так же, как поступил Маяковский, образуя от слова щенок форму *щен*:

Изо всех щенячьих сил
Нищий щен заголосил.

Неосознанное мастерство

Переиначивая наши слова, ребенок чаще всего не замечает своего словотворчества и остается в уверенности, будто правильно повторяет услышанное.

Это впервые поразило меня, когда четырехлетний мальчишка, с которым я познакомился в поезде, стал назойливо просить у меня, чтобы я позволил ему повертеть *тормозило*.

Он только что услышал слово *тормоз* и, думая, что повторяет его, приделал к нему окончание *ило*.

Это *ило* было для меня откровением: такой крохотный мальчик, а как тонко почувствовал, что здесь необходим суффикс «л», показывающий орудийность, инструментальность предмета. Мальчик словно сказал себе: если то, чем шьют, называется *шило*, а то, чем моют, – *мыло*, а то, чем роют, – *рыло*, а то, чем молотят, – *молотило*, значит, то, чем тормозят, – *тормозило*.

---

³ А. Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи (глава «Формирование у ребенка грамматического строя русского языка»). М., 1961, с. 312 и 327.

Одно это слово свидетельствовало, что в уме у ребенка произведена такая четкая классификация суффиксов по разрядам и рубрикам, которая и для созревшего ума представляла бы немалые трудности.

И эта классификация показалась мне тем более чудесной, что сам ребенок даже не подозревает о ней.

Такое неосознанное словесное творчество – один из самых изумительных феноменов детства.

Даже те ошибки, которые нередко случается делать ребенку при этом творческом усвоении речи, свидетельствуют об огромности совершаемой его мозгом работы по координации знаний.

Хотя ребенок и не мог бы ответить, почему он называет почтальона *почтаником*, эта реконструкция слова показывает, что для ребенка практически вполне ощутима роль старорусского суффикса *ник*, который характеризует человека главным образом по его профессиональной работе – пожарник, физкультурник, сапожник, колхозник, печник. Называя почтальона *почтаником*, ребенок включил свой неологизм в разряд этих слов и поступил вполне правильно, потому что если тот, кто работает в саду, есть садовник, то работающий на почте есть и вправду *почтаник*. Пусть взрослые смеются над *почтаником*. Ребенок не виноват, что в грамматике не соблюдается строгая логика. Если бы наши слова были созданы по какому-нибудь одному прямолинейному принципу, детские речения не казались бы нам такими забавными, они нередко «вернее» грамматики и «поправляют» ее.

Конечно, чтобы воспринять наш язык, ребенок в своем словотворчестве копирует взрослых. Дико было бы думать, что он в какой бы то ни было мере создает наш язык, изменяет его грамматический строй, его словарный состав.

Сам того не подозревая, он направляет все свои усилия к тому, чтобы путем аналогий усвоить созданное многими поколениями взрослых языковое богатство.

Но применяет он эти аналогии с таким мастерством, с такой чуткостью к смыслу и значению тех элементов, из которых складывается слово, что нельзя не восхищаться замечательной силой его сообразительности, внимания и памяти, проявляющейся в этой трудной повседневной работе. Малейший оттенок каждой грамматической формы угадывается ребенком с налету, и, когда ему понадобится создать (или воссоздать в своей памяти) то или иное слово, он употребляет именно этот суффикс, именно то окончание, которые по сокровенным законам родного языка необходимы для данного оттенка мысли и образа.

Когда трехлетняя Нина впервые увидела в саду червяка, она зашептала в испуге:

– Мама, мама, какой *ползук*!

И этим окончанием у к великолепно выразила свое паническое отношение к чудовищу. Не ползёныш, не ползушка, не ползунчик, не ползатель, а непременно *ползук*! Конечно, этот ползук не изобретен ребенком. Тут подражание таким словам, как жук и паук.

Но все же замечательно, что для данного корня маленький ребенок в один миг отыскал в своем арсенале разнообразных морфем именно ту, которая в данном случае наиболее пригодна.

Двухлетняя Джаночка, купаясь в ванне и заставляя свою куклу нырять, приговаривала:

– Вот *притонула*, а вот и *вытонула*!

Только глухонемой не заметит пластики и тонкого смысла этих двух слов. *Притонуть* не то что утонуть, это – утонуть на время, чтобы в конце концов вынырнуть.

А трехлетний Юра, помогая своей матери снарядить маленького Валу на прогулку, вытащил из-под кровати Валины ботинки, калоши, чулки и гамашы и, подавая, сказал:

– Вот и все Валино *обувало*!

Одним этим общим словом «обувало» он сразу обозначил все четыре предмета, которые имели отношение к обуви.

Так же выразительно великолепное слово *брызгань*, сочиненное пятилетним мальчишкой:

– Мы хорошо купались. Такую *брызгань* подняли!

Большое чутье языка проявил тот деревенский ребенок пяти с половиною лет, который, услышав, что взрослые называют букварь учебником, и воображая, что в точности воспроизводит их термин, назвал эту книгу – «учило»: очевидно, *учило* (как «точило», «молотило», «зубило» и проч.) есть для него орудие ученья.

А суффикс *ник* ускользнул от ребенка, так как никакой смысловой аналогии с «умывальником», «кустарником», «чайником» он в слове «учебник» не мог отыскать.

Другой ребенок, назвавший солонку *солнницей*, тоже был более чем прав: если вместилище чая – чайница, а вместилище сахара – сахарница, то вместилище соли никак не солонка, а *солнница*.

Здесь опять-таки речь ребенка совпадает с народной, ибо, оказывается, слово *солнница* так же широко распространено в деревнях, как *пулять*, *картоха*, *обородеть* и другие слова, которые у меня на глазах самостоятельно создавали трехлетние дети, воспитанные вдали от влияний «простонародной» речи.

Кстати, отмечу, что созданные ребенком слова «*одуван*», «*сыроега*», «*смеяние*» существуют кое-где и в народе.⁴

Вообще мне кажется, что начиная с двух лет всякий ребенок становится на короткое время гениальным лингвистом, а потом, к пяти-шести годам, эту гениальность утрачивает. В восьмилетних детях ее уже нет и в помине, так как надобность в ней миновала: к этому возрасту ребенок уже полностью овладел основными принципами родного языка. Если бы такое чутье к словесным формам не покидало ребенка по мере их освоения, он уже к десяти годам затмил бы любого из нас гибкостью и яркостью речи. Недаром Лев Толстой, обращаясь ко взрослым, писал:

«{Ребенок} сознает законы образования слов лучше вас, потому что никто так часто не выдумывает новых слов, как дети».⁵

Взять хотя бы слово «еще», принадлежащее к категории неизменяемых слов. Помимо глагола «ещёкать», о котором у нас речь впереди, ребенок умудрился произвести от слова «еще» существительное, которое и подчинил законам склонения имен.

Двухлетнюю Сашу спросили:

– Куда ты идешь?

– За песочком.

– Но ты уже принесла.

– Я иду за *ещём*.

Конечно, когда мы говорим о творческой силе ребенка, о его чуткости, о его речевой гениальности, мы, хотя и не считаем этих выражений гиперболами, все же не должны забывать, что (как уже сказано выше) общей основой всех названных качеств является подражание, так как всякое новое слово, создаваемое ребенком, творится им в соответствии с нормами, которые даны ему взрослыми.

Но копирует он взрослых не так просто (и не так послушно), как представляется иным наблюдателям. Ниже, в разделе «Анализ языкового наследия взрослых», будет приведено достаточное количество фактов, доказывающих, что в свое восприятие речи ребенок уже с двухлетнего возраста вносит критическую оценку, анализ, контроль.

Свои языковые и мыслительные навыки ребенок приобретает лишь в общении с другими людьми.

⁴ В. И. Даль. Толковый словарь, т. II. М., 1955, с. 574 и т. IV, с. 242, 376.

⁵ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1936, с. 70.

Только это общение и делает его человеком, то есть существом говорящим и думающим. Но если бы общение с другими людьми не выработало в нем на короткое время особую, повышенную чуткость к речевому материалу, который дают ему взрослые, он остался бы до конца своих дней в области родного языка иностранцем, бездушно повторяющим мертвые штампы учебников.

В старину мне случалось встречаться с детьми, которым по различным причинам (главным образом по прихоти богатых родителей) навязывали с младенческих лет словарь и строй чужого языка, чаще всего французского.

Эти несчастные дети, с самого начала оторванные от стихии родной речи, не владели ни своим, ни чужим языком. Их речь в обоих случаях была одинаково анемична, бескровна, мертвенна – именно потому, что в возрасте от двух до пяти их лишили возможности творчески освоить ее.

Тот, кто в раннем детстве на пути к усвоению родной речи не создавал таких слов, как *«ползук»*, *«вытонуть»*, *«притонуть»*, *«тормозило»* и т. д., никогда не станет полным хозяином своего языка.

Конечно, многие неологизмы ребенка нередко свидетельствуют лишь о его неспособности освоить на первых порах те или иные отклонения от норм грамматики, свойственные общепринятой речи.

Иное «созданное» ребенком речение, кажущееся нам таким самобытным, возникло, в сущности, лишь потому, что ребенок слишком прямолинейно применяет к словам эти нормы, не догадываясь ни о каких исключениях. Все это так. И, однако, для меня несомненна огромная речевая одаренность ребенка.

Она заключается не только в классификации окончаний, приставок и суффиксов, которую он незаметно для себя самого производит в своем двухлетнем уме, но и в той угадке, с которой он при создании нового слова выбирает для подражания необходимый ему образец. Самое подражание является здесь творческим актом.

Величайший труженик

Страшно подумать, какое огромное множество грамматических форм сыплется на бедную детскую голову, а ребенок как ни в чем не бывало ориентируется во всем этом хаосе, постоянно распределяя по рубрикам беспорядочные элементы услышанных слов и при этом даже не замечая своей колоссальной работы.

У взрослого лопнул бы череп, если бы ему пришлось в такое малое время усвоить то множество грамматических форм, которые так легко и свободно усваивает двухлетний лингвист.

И если изумителен труд, выполняемый им в это время, еще изумительнее та беспримерная легкость, с которой он этот труд выполняет.

Поистине ребенок есть величайший умственный труженик нашей планеты, который, к счастью, даже не подозревает об этом.

Я только что сказал, что, по моим наблюдениям, к восьмилетнему возрасту у ребенка такое изоощренное чутье языка притупляется. Но отсюда не следует, что его речевое развитие в какой бы то ни было мере терпит при этом ущерб. Напротив: лишившись недавней способности создавать те своеобразные словесные формы, о которых мы говорили, он сторицей возмещает утрату новыми ценными качествами своего языкового развития.

«В это время, – говорит профессор А. Н. Гвоздев, – ребенок уже в такой мере овладевает всей сложной системой грамматики, включая самые тонкие, действующие в русском языке закономерности синтаксического и морфологического порядка, а также твердое и безошибочное использование множества стоящих особняком единичных явлений, что усваиваемый рус-

ский язык становится для него действительно родным. И ребенок получает в нем совершенное орудие общения и мышления».⁶

Конечно, это так. В этом нельзя сомневаться. Лингвистическая работа ребенка переходит теперь на новые рельсы. Используя результаты, добытые в предыдущий период, ребенок вооружается для более сложного и многообразного речевого общения.

Это очевидно для всякого, кто с достаточным вниманием изучит умственные навыки школьников, недавно вышедших из дошкольного возраста.

Период словотворчества остался у них позади, знание родного языка уже прочно завоевано ими. Теперь, на пороге школы, перед ними новая задача: осознать и осмыслить теоретически то, что в возрасте от двух до пяти они инстинктивно узнавали на практике. С этой труднейшей задачей справляются они превосходно, чего не могло бы случиться, если бы на восьмом году жизни их речевая одаренность угаšla совсем.

Это справедливо, но только отчасти. Незыблемым остается тот факт, что процесс овладения речью совершается наиболее быстрыми темпами именно в возрасте от двух до пяти. Именно в этот период в мозгу у ребенка производится наиболее интенсивная выработка генерализации грамматических форм. Механизм этой выработки до такой степени целесообразен и мудр, что невольно назовешь гениальным лингвистом того малыша, ум которого в течение такого короткого времени систематизирует столько грамматических схем.

Уже давно установлено, что в возрасте около года запас слов у ребенка исчисляется единицами; к концу второго года достигает двухсот пятидесяти – трехсот слов, а к концу третьего года доходит до тысячи, то есть сразу, всего в один год, ребенок утраивает свой словарный запас, после чего накопление слов происходит уже более медленно. То же относится и к грамматическим формам, которыми овладевает в ту пору ребенок. Когда-то я попробовал сделать приблизительный подсчет этих форм (склонение, спряжение, функции приставок и суффиксов). У меня их получилось не меньше семидесяти. И все эти «генерализаторы», образующиеся в мозгу у ребенка раз навсегда, на всю жизнь, возникают в наибольшем количестве в возрасте от трех до четырех, когда лингвистическая одаренность ребенка проявляется с особенной силой.

---

⁶ А. Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи. М., 1961, с. 467.

III. «Народная этимология»

Когда-то мне случилось подслушать несколько замечательных детских речений, где отчетливо сказался тот метод, при помощи которого ребенок незаметно для себя осмысляет нашу «взрослую» речь. Трехлетняя Мура вбежала ко мне и сказала:

– Мама просит *мазелин*!

– Какой мазелин?

Оказалось, что ее послали принести вазелин. Но вазелин для нее мертвое слово, и вот по дороге из комнаты в комнату она незаметно для себя оживила и осмыслила его, так как в том и заключается для нее существо вазелина, что это мазь, которой можно мазать. Другой ребенок по той же причине назвал губную помаду – губная *помаза*.

Столь же удачно оживил и осмыслил непонятное слово мой знакомый Кирилл двух с половиною лет. Когда он был болен, он все время повторял:

– Положите мне на голову холодный *мокресс*!

Он смутно слышал непонятное слово «компресс» и, думая, что повторяет его, нисколько не желая новаторствовать, создал новое, вполне соответствующее его разумению. Он как бы сказал себе: это мокрая тряпка, почему же она не *мокресс*? Ведь не знает младенец латинского слова «компрессио» (сжатие), от которого происходит «компресс».

Одна четырехлетняя девочка вместо слова «термометр» говорила то *тепломер*, то *теплометр*, бессознательно переводя это слово на русский язык и в то же время сохраняя его прежнюю видимость.

Другая вместо «петля» говорила *цепля*, будучи в твердой уверенности, что повторяет услышанное, а не творит нечто новое. *Цепля* – это куда выразительнее: то, чем цепляешь за крючок.

Такое же осмысление непонятного слова произвел тот ребенок, которому я показал бегающую по блюдечку ртуть:

– Дядя Чукоша принес нам *вертутию*!

Все засмеялись, но кто-то сказал:

– Что вы смеетесь? Ведь вертится. Значит, *вертутия*.

– Мама, я видел автомобиль с поднимающимся *пузовом*. (Великолепная интерпретация слова «кузов».)

Буся (неизвестного мне возраста) метко обозвал бормашину зубного врача *больмашинной*, причем любопытно, что дети из детского дома, которым пришлось побывать у дантиста, дали бормашине то же прозвище.

Здесь такая же – незаметная детям – полемика с нашим невыразительным (для детского понимания) словом, стремление к наивысшей его экспрессивности.

Характерно в этом отношении прелестное слово *кусарик*. Так Леля называла сухарик, который для ребенка ведь не сухостью своей примечателен, а именно тем, что его можно кусать. Какой же он сухарик? Он – *кусарик*.

А четырехлетняя Таня Иванова сказала:

– Возьми меня, мама, к *вихрахеру*.

– К *вихрахеру*?

Мать не без труда догадалась, что *вихрахер* – это парикмахер, который стрижет ей вихры.

В самом деле, для чего отмечать в языке такую деятельность наших брадобреев, которая большинству из них нынче несвойственна? Парики ушли из обихода в XVIII веке, и «делатели париков» (парикмахеры) сохранились главным образом при театрах и клубах, остальные же стали *вихрахерами*, назначение которых заключается в том, чтобы подстригать нам «вихры».

В большинстве случаев дети только к тому и стремятся, чтобы возможно точнее скопировать старших. Но, пытаясь воспроизвести во всей точности нашу «взрослую» речь, они бессознательно *исправляют* ее, причем, повторяю, изумительна та виртуозность, с которой, переменяя в услышанном слове один только звук, они заставляют это слово подчиниться их логике, их ощущению вещей.

– У мамы сердечко болело, и она пила *болерьянку*.

Словом, если ребенку незаметно прямое соответствие между функцией предмета и его названием, он исправляет название, подчеркивая в этом слове ту единственную функцию предмета, которую он успел разглядеть.

Таким образом, мы убеждаемся снова и снова, что развитие речи ребенка являет собою **единство подражания и творчества**.

Едва только двухлетний Тараска узнал слово «молоток», он сделал из него *колоток*. Тронул в нем одну только «литеру», и в результате все слово оторвалось от своего прежнего корня и как ни в чем не бывало стало расти на другом. А что такое для ребенка молоток? Случайное сочетание звуков.

Ребенок бессознательно требует, чтобы в звуке был смысл, чтобы в слове был живой, осязаемый образ; а если этого нет, ребенок сам придаст непонятному слову желательные образ и смысл.

Вентилятор у него – *вертилятор*.

Паутина у него – *паукина*.

Пружинка – *кружинка*.

Милиционер – *улицционер*.

Буравчик – *дыравчик*.

Экскаватор – *песковатор* (потому что выгребает песок).

Рецепт – *прицепт* (потому что прицепляется к аптечной бутылке).

Коклюш – *кашлюш*.

Всюду один и тот же метод осмысления услышанных слов путем непреднамеренной подмены минимального количества звуков. Услышав два стишка из «Мойдодыра»:

И сейчас же щетки, щетки
Затрещали, как трещотки... –

моя трехлетняя дочь, никогда не слыхавшая слова «трещотка», попыталась осмыслить его при помощи такой трансформации:

И сейчас же щетки, щетки
Затрещали, как три тетки.

Из всех детских песен ребята нашей страны чаще всего слышат, конечно, «Интернационал». Эта песня ими чрезвычайно любима, хотя многое в ней они понимают по-своему. Я знаю, например, трехлетнего младенца, который, услышав строку «Воспрянет род людской», воспроизвел ее так:

Воз пряников в рот людской.

Еще забавнее поступила в подобном же случае четырехлетняя Наташа. Услышала она песню соседки:

Хоть ты сватай, хоть не сватай,

Все равно тебя люблю... –

и спела ее на следующий день своей кукле:

Хоть ты с ватой, хоть без ваты,
Все равно тебя люблю.

Осмысление речи бессмыслицей

Случается, что погоня за смыслом приводит ребенка к сугубой бессмыслице. Услышав, например, песню, которая начиналась словами:

Царь дрожащего творенья, –

ребенок воспроизвел ее так:

Царь, дрожащий от варенья.

Дикое это словосочетание было для ребенка гораздо осмысленнее, чем то, которое он слышал от взрослых.

* * *

В сказке царевна говорит жениху:

– Властелин души моей.

Услышала эту сказку трехлетняя Ира и пересказала восклицание царевны по-своему:

– *Пластилин* души моей.

* * *

Мать причесывает четырехлетнюю Люду и нечаянно дергает ее волосы гребнем. Люда хнычет, готова заплакать. Мать говорит в утешение:

– Терпи, казак, атаманом будешь!

Вечером Люда играет с куклой, причесывает ее и повторяет:

– Терпи, коза, а то мамой будешь!

* * *

Такое же влечение к смыслу, к наглядным словам и вещам сказалось в той великолепной бессмыслице, которую создал недавно один четырехлетний москвич. Услышав от взрослых стихи:

Скакун лихой, ты господина
Из боя вынес, как стрела,
Но злая пуля осетина
Тебя во мраке догнала... –

он сразу заучил их наизусть, причем последнее двестишье было им оформлено так:

Но злая рыба осетрина
Тебя во мраке догнала.

И здесь опять-таки эта бессмыслица для него гораздо более насыщена смыслом, чем то вполне осмысленное сочетание слов, которое дано ему взрослыми.

* * *

Четырехлетняя Галочка называла Дон-Кихота «Тонкий Кот».

* * *

Когда моя старшая сестра заучивала вслух стихотворение Пушкина:

Как ныне собирается вещий Олег, –
я, пятилетний мальчишка, понимал эту строчку по-своему:
Как ныне собирает свои вещи Олег.

* * *

У Батюшкова есть такая строка:

Шуми, шуми волнами, Рона!

Известный языковед Д. Н. Ушаков говорил на лекции студентам, что в детстве эта строка воспринималась им так:

Шуми, шуми, волна Мирона!⁷

* * *

Точно такое же словесное творчество можно наблюдать и в речи народа.

В лингвистике это ложное осмысление слов именуется «народной этимологией». Николаевские солдаты приспособили к своему пониманию иностранное слово «гошпиталь», придав ему ехидное прозвище «*вошпиталь*» (то есть питомник вшей).

Народное наименование пластыря – *кластырь*, бульвара – *гульвар*. Поликлинику в народе часто зовут *полуклиникой*, в отличие от клиники, то есть больницы.

Немецкое слово Profoss (так назывался когда-то военный полицейский служащий, исполнявший обязанности надзирателя и палача) стало в просторечии *прохвостом*.⁸

---

⁷ Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке. М., 1925, с. 41 – 42.

⁸ В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1938, с. 52.

Вспомним некрасовское:

– Как не понять! С медведями
Немало их шатается
Прохвостов и теперь.

Те древние египетские сфинксы, что стоят над Невой в Ленинграде перед Академией художеств, именовались в просторечии *сфинками* (то есть попросту свинками), что отмечено в одном из ранних стихотворений Некрасова:

Я мимо сфинок шел.⁹

И в одном из рассказов Даля:

«...о набережной, на которой лежат две свинки, огромные».¹⁰

Обыватели к этому народному творчеству всегда относились свысока, пренебрежительно.

В «Скверном анекдоте» Достоевского два чиновника высказывают это пренебрежение так:

«– Русский народ-с, по глупости, изменяет иногда литеры-с и выговаривает иногда по-своему-с. Например, говорят невалид, а надо бы сказать инвалид-с.

– Ну-да... невалид, хе-хе-хе!»

Но, конечно, так поступает всякий живой и здоровый народ. Русский человек, хозяин своего языка, не потерпит, чтобы в этом языке звучали неживые слова, корня которых он не может понять и почувствовать. Ему нужно, чтобы в самом звуке был смысл. Каждое слово подчиняет он своей собственной логике, причем, стремясь к осмыслению слова, он тем самым русифицирует его.

Величайшим знатоком и любителем народной этимологии был, как известно, Лесков. Его герои то и дело говорили: *клеветон* (фельетон), *мелкоскоп* (микроскоп), *долбища* (таблица умножения) и т. д. Барометр превращался у них в *буреметр*, дезабилье – в *безбелье*. Французское слово «мораль» производили они от русского слова «марать»:

«Пустили *мараль* на девку, – замарали ее доброе имя».

Сравните у Островского в «Поздней любви»: «Связываться с бабой, я так понимаю, *мараль*».

И у Глеба Успенского в «Будке»: «От него на нас *мараль* идет».

У Куприна в «Поединке» французскую фамилию Дювернуа солдаты превратили в русскую *Доверни-Нога*. Известно, что иностранец Кос ван Дален сделался в России *Козодавлевым*.

В «Воине и мире» казаки переделали имя молодого француза Винсента в Весеннего, а мужики и солдаты – в Висеню. В обеих переделках это напоминание о весне сходилась с представлением о молодости:

– Эй, Висеня! Висеня! Весенний!

Так же поступает ребенок, превращая вентилятор в *вертилятор*, лопатку в *копатку* и молоток в *колоток*.

Путем минимального изменения в звуковой структуре непонятного слова ребенок, незаметно для себя, осмысляет его, причем в этой новой редакции выдвигаются существеннейшие (с точки зрения ребенка) качества того лица или предмета, которые данными словами обозначены.

---

⁹ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 1. М., 1948, с. 365.

¹⁰ В. И. Даль. Повести. Рассказы. Очерки. Сказки. М.–Л., 1961, с. 56 и 448.

Так, Адик Павлов называл Серафиму Михайловну *Сахарина* Михайловна, а маленькая Ира, подметив, что запонки являются исключительной принадлежностью папы, переименовала их в *папонки*:

– Папочка, покажи твои *папонки*!

Слюнка, например, у детей превращается в *плюнку*:

– Потому что мы не слюём, а плюём.

Язык они называют *лизык*, и мне сообщают о Нине Гуляевой, которая достигла семилетнего возраста, а все еще не могла примириться с нашим взрослым «искажением» формы *лизык*:

– Как же так! Лизать – и вдруг не лизык, а язык!

По-украински язык у волов и коров так и называется *лизень*.

Ребенок и представить себе не может, чтобы взрослые создали слово, в звуке которого нет характеристики функций обозначенного этим словом предмета. *Тополь* – должен топать, *орел* – орать, а *радуга* – радовать:

– Почему это – радуга? Потому что она радуется, да?

До сих пор, насколько мне известно, эти языковые процессы были замечены исследователями только у взрослых. Но вот, оказывается, и в речи детей они занимают не последнее место, ибо нет никакой существенной разницы между *вертилятором* и *мелкоскопом*, между *вертутией* и *сфинкой*.

IV. Действенность

И заметьте, как действенны эти ребячьи слова. В большинстве случаев они изображают предметы исключительно со стороны их действия.

Строганок – то, чем строгают.

Копатка – то, чем копают.

Колоток – то, чем колотят.

Цепля – то, чем цепляют.

Вертутия – то, что вертится.

Лизык – то, что лижет.

Мазелин – то, чем мажут.

Кусарики – то, что кусают.

Здесь нет ни единого слова, которое не было бы связано с движением, с динамикой. Всюду выдвинута на первое место действенная функция предмета.

Трехлетний ребенок уверен, что каждая вещь существует для того или иного точно определенного действия и вне этого действия не может быть понята.

В существительном ребенок ощущает скрытую энергию глагола.

Вы только всмотритесь, с каким напряженным вниманием глядит годовалый младенец на автомобили, мотоциклы, трамваи, следя за их непрерывным движением.

Почти все исправления, вносимые ребенком в нашу «взрослую» речь, заключаются именно в том, что он выдвигает на первое место динамику.

В «народной этимологии» взрослых это происходит не так часто, потому что взрослые подмечают в словах и другие особенности. Русские крестьяне из клироса делали *крылос* (от слова «крыло»), Хамильтона превращали в *Хомутова*, то есть оперировали и существительными, а «народная этимология» детей почти всегда обнаруживает в названии предметов глагол.

Но, конечно, и детям порою случается выдвигать в названии предмета не глагол, а имя существительное или – очень редко – прилагательное.

Мне сообщают о пятилетнем Гаврюше, который ботанику называл *цветаника* (его отец был директором ботанического сада), а ватрушку *творушка* (от слова «творог»); и я знаю Мусю, которая называла нафталин *муфталином*, так как была уверена, что нафталин существует специально для маминой муфты.

Впрочем, таких словообразований не много. Большинство детских слов, входящих в область «народной этимологии», связано с глагольными формами.

Так велико у детей тяготение к глаголу, что им буквально не хватает глаголов, существующих во «взрослом» языке. Приходится создавать свои собственные.

Нет, кажется, такого существительного, которое ребенок не превратил бы в глагол:

– Часы *часикают*.

– Вся елка *обсвечкана!* Вся елка *обсвечкана!*

Брат трехлетней Нины играет на балалайке. Нина страдальчески морщится:

– Не *балалай*, пожалуйста!

Ребенок создает такие глаголы десятками – гораздо чаще, чем мы.

Прищемив себе руку дверью, ребенок кричит:

– Ай, я *задверил* руку!

И пусть родителей коробит это смелое производство глагола, ребенок считает его совершенно нормальным. От него во всякое время можно услышать:

– *Отскорлупай* мне яйцо.

– Замолоточь этот гвоздик.

– Бумага *откнулась*.

– Я *защёкала* свою карамельку.

– Ого-го, как *ладошкаются*!

– Я *намакаронился*.

– Я уже *начаёнился*.

И даже:

– Мы *почайпили* кофе.

Иногда оглаголивается даже наречие.

– *Расширокайтесь!.. Расширокайтесь!* – кричала своим гостям четырехлетняя девочка, требуя, чтобы они расступились.

В глагол превращается даже слово «еще»:

– Покачайте меня на качелях, только я не сойду, а буду все *ещёкать* и *ещёкать*.¹¹

Глаголом может стать даже междометие *алло*:

– Папа *алёкает* по телефону.

Сережа прижался к маме, она обняла его.

– Весь *обмамился*! – хвалится он.

Это приводит к экономии речи. Вместо того чтобы отмахиваться от назойливых мух, Аркашка предпочитает *отмухиваться*:

– Я *сiju* и *отмухиваюсь*. *Сiju* и *отмухиваюсь*.

Нет таких слов, которых ребенок не превратил бы в глаголы:

– Идем *покойночиться* с папой и мамой.

Даже муфта приобретает у него глагольную форму:

– Ой, мама, зачем ты меня так *замуфтал*?

Словом, на каждом шагу обнаруживается, что наших глаголов детям недостаточно. Им требуется больше, чем мы можем им дать, хотя дать мы можем вообще немало, так как наш язык чрезвычайно богат глаголами, произведенными от имен существительных. От слова цыган русские люди произвели глагол *выцыганить*, от слова Кузьма – *подкузьмить*, от слова Егор – *объегорить*, от слова черт – *чертыхаться*, *осточертеть*. И вот еще подобные глаголы, происшедшие от имен существительных:

остолбенеть – от слова столб,

обезьянничать – от слова обезьяна,

приземляться – от слова земля,

прилуняться – от слова луна.

И от имен прилагательных:

богатеть – от слова богатый,

хорошеть – от слова хороший.

И от междометий: *хихикать*, *кукарекать*, *мяукать*.¹²

Так что ребенок и здесь поступает в полном соответствии с исконными нормами родного языка. Самые смелые и причудливые из новообразований ребенка и в данном случае не выходят за рамки общенациональных языковых традиций.

Замечательно, что детские глаголы типа *отскорлупать*, *намакарониться* создаются по такой же схеме, по какой наши великие писатели, художники слова, пытались в свое время создать новые формы глаголов.

Державин сочинил глагол *ручиться* (от слова ручей), Жуковский – *обезмышить*, Кольцов – *пилатить*, Гоголь – *обыностраниваться*, *омноголюдеть*, *оравнодушеть*, Гончаров – *байронствовать*, Щедрин – *дишедрянствовать*, *умонелепствовать*.

¹¹ Кстати отмечу, что слово, «ещёкать» по своей структуре вполне соответствует «взрослому» глаголу «бисировать», произведенному от латинского «бис» (bis).

¹² Ср. В. В. Виноградов. Русский язык (глава «Система глагольного словообразования»). М – Л., 1947, с. 433–437.

Порою такие неологизмы создавались для выражения иронии, когда автор и сам сознавал всю нарочитую несуразность сочиненного слова.

Таково, например, двустиише, которое приписывалось Пушкину:

Я влюблен, я очарован,
Словом, я *огончарован*.

Таковы почти все новые глаголы, которые вводил в свою речь Достоевский: *афонить* (от названия горы Афон), *фонзонить* (от фамилии Фонзон), *апельсинничать*, *лимонничать*, *амбициозничать*, *белоручничать*, *подробничать* и проч. Все, за исключением двух: *дженгльменничать* и *стушеваться*. Только эти два и удержались у нас в языке. Большинство же промелькнуло и забылось, как, например, герценовский глагол *магдалиниться*.

– *Магдалинится* молодой человек.

(От имени кающейся грешницы Магдалины.)

Таковы же у Чехова: *тараканить*, *этикетничать*, *пересобачиться*, *каверзить*, *окошкодохлиться*, *размокропогодиться*.

В «Воспоминаниях» Кони:

«Он выпивши был – у нас престольный праздник, ну он и *напрестолился*».

Чуя эти языковые законы, четырехлетний лингвист говорит:

– Наседка *оцыплятилась*!

Все это слова-экспромты, слова-однодневки, которые и не притязали на то, чтобы внедриться в язык, войти в общий речевой обиход, сделаться универсально пригодными. Созданные специально для данного случая, они чаще всего культивировались в домашних разговорах, в частных письмах, в шуточных стихах и умирали тотчас же после своего появления на свет.

Бывали такие периоды в истории языка, когда этот процесс образования глаголов (главным образом от имен существительных) как будто затихал на много лет, но потом внезапно становился необычайно активным и приобретал очень широкий размах. Так случилось, например, в тот период, когда творил Маяковский, щедро вводивший в свою поэзию такие слова, как *обезночить*, *миллионить*, *вихрить*, *иудить*, *июлить*, *мандалинить*, *выфрантить*, *выгрузить*...

Конечно, это не было личным его произволом: такие литературные новшества были отражением того, что совершалось в быту, потому что в ту эпоху и разговорная речь изобиловала такими словами:

– Ах как я *закастрилилась*!

– Он *подфамилил* бумагу...

– Как вам не стыдно *мешочничать*!

– *Закомиссарился* молодой человек!

Недаром незадолго до этого Хлебников оперировал такими словами, как *чингисханить*, *моцартить*, а Игорь Северянин вводил в свои «поэзы» такие глаголы, произведенные от имен существительных, как *осупружиться*, *окалошиться*, *опроборить*, *офрачиться*, *онездеиниться*, *наструниться* и проч., и проч., и проч.

В смокингах, в шик *опроборенные*,
великосветские олухи
В княжьей гостиной *наструнились*,
лица свои *оглутив*.

Читатели охотно принимали тогда подобные словесные новшества, ибо новшества эти были в духе эпохи: в бытовой, разговорной речи происходил тогда тот же процесс усиленного оглаголивания имен существительных. Тогда же создалась такая песня:

Чай пила,
Баранки ела,
Самоварничала.

Потом (приблизительно к середине 30-х годов) этот процесс заглох. Значительно позже появились в русском разговорном языке глаголы: *пылесосить, пылесосничать*.

В речи ребенка такой периодизации нет. Каждое новое поколение детей всегда создает снова и снова великое множество подобных глаголов, не замечая своего языкового новаторства. Активность оглаголивания имен существительных снижается у них лишь по мере того, как они выходят из дошкольного возраста. Как близко примыкают создаваемые ими глагольные формы к тем формам, которые созданы и создаются народом, видно, например, из слова *раскулачить*. Впервые я услышал это слово полвека назад – даже раньше. Гай, внучонок И. Е. Репина, крепко сжал свой кулачишко и сказал:

– Ну-ка *раскулачь* мои пальцы!

В те времена такого слова еще не существовало в народе, так как раскулачивание (в нынешнем значении этого термина) еще не стало историческим фактом. Для того чтобы ребенок мог заранее – так сказать, наперед – сконструировать то самое слово, которое лет двадцать спустя было создано народными массами, нужно, чтобы он в совершенстве владел теми же приемами построения слов, которые выработал в течение тысячелетий народ.

V. Завоевание грамматики

За – Вы – На – Рас – Об

- Смотри, как *налу*жил дождь!
- Ой, какой пузырь я *выпу*зырила!
- Дай мне *рас*пакетить пакеты.
- На тебе кочергу, *по*кочергай.
- Видишь, как я хорошо *приу*добился.
- Погоди, я еще не *от*сонилась.
- Мама сердится, но быстро *удо*бряется.
- Весь мост *зало*шадило.
- На что это ты так *угла*зилась?

В этих глаголах меня особенно восхищают приставки, придающие каждому слову именно тот оттенок экспрессии, какой придает им народ.

Они показывают, как чудесно ощущает ребенок назначение этих маленьких *за, вы, у, на, рас, об* и т. д. *Углаз*иться, *выпу*зырить, *рас*пакетить, *за*дверить, *на*табачить, *приу*добиться, *об*снегиться – здесь ребенок никогда не ошибется. Он уже в два с половиною года великолепно распоряжается всеми префиксами.

Когда Юрику Б. не понравилось, что за ужином его мать посолила яйцо, он закричал:

- *Высо*ли обратно!

А другой мальчишка, долго корпевший над каким-то бумажным изделием, вдруг проговорил, торжествуя:

- Трудился, трудился и *выт*рудил пароходик!

Таких примеров можно привести очень много:

- Никак не могу *рас*понять, что нарисовано на этой картинке.

- Я помнил, помнил, а потом *от*помнил.

- Мама, *от*пачкай мне руку!

- *За*разился, а потом *от*разился (выздоровел).

– Папа, уже *рас*гащивается! – крикнула отцу пятилетняя дочь, когда гости, пришедшие к матери, стали понемногу расходиться.

Расгащивается! Одним этим смелым, внезапно сотворенным глаголом она обнаружила такое гениальное чутье языка, какому мог бы позавидовать и Гоголь.

Все эти приставки придают русской речи столько богатейших оттенков. Чудесная ее выразительность в значительной мере зависит от них. *При*курить, *за*курить, *вы*курить, *рас*курить, *на*курить, *об*курить, *про*курить, *пере*кур – в этом разнообразии приставок таится разнообразие смыслов.

И разве не изумительно, что ребенок уже на третьем году своей жизни вполне овладевает всем этим обширным арсеналом приставок и великолепно угадывает значение каждой из них. Взрослый иностранец, хотя бы он изучал наш язык много лет, никогда не достигнет такой виртуозности в обращении с этими частицами слов, какую проявляет двухлетний ребенок, бессознательно воспринимающий от предков систему их языкового мышления.

Эту виртуозность, как мы только что видели, обнаружила двухлетняя Джаночка, когда она сказала свою бессмертную фразу про куклу:

- Вот *прит*онула, а вот и *выт*онула!

Ни в чем не сказывается с такой очевидностью лингвистическая чуткость и одаренность ребенка, как именно в том, что он так рано постигает все многообразные функции, выполняемые в родном языке каждой из этих мелких и незаметных частиц.

Ребенок впервые очутился на даче. На соседних дачах и справа и слева лают весь вечер собаки. Он с удивлением спрашивает:

– Что это там за *перелай* такой?

Этот *перелай* (по аналогии со словами *переключка*, *переписка*, *перебранка*, *перепляс*, *перезвон*) отлично изобразил то явление, которое подметил ребенок: прерывистость и «обобщенность» собачьего лая.

Чтобы объяснить «перелай» иностранцу, пришлось бы прибегнуть к такой многословной описательной речи: лают две собаки (или больше) с двух противоположных сторон, причем не сразу, а попеременно – едва умолкает одна, тотчас же принимается лаять другая: *перелай*.

Вот сколько понадобилось бы слов, чтобы выразить то, что ребенок высказал единственным словом с короткой приставкой.

Сравни у Маяковского:

Это, Кися, не «переписка»!
Это только всего *переписк*.¹³

Льзя и Нельзя

Любопытная особенность детских приставок: они никогда не срastaются с корнем. Ребенок отрывает их от корня и легче, и чаще, чем взрослые. Он, например, говорит:

– Я сперва боялся трамвая, а потом *вык*, *вык* и привык.

Он не сомневается в том, что если есть «привык», то должно быть и «вык».

То же и с частицами отрицания.

Скажешь, например, малышу: «Ах, какой ты невежа!», а он: «Нет, папочка я *вежа*, я *вежа*!» Или: «Ты такой неряха», а он: «Ладно, я буду *ряха*!»

Бабушка Ани Кокуш сказала ей с горьким упреком:

– Ты недотёпа.

Аня со слезами:

– Нет, *дотёпа*, *дотёпа*!

И вот восклицание Мити Толстого перед клеткой зоосада:

– Ай, какие обезьяны *уклюжие*!¹⁴

У взрослых отрицание *не* чаще всего пристает к корням.

Я впервые подумал об этом, когда услышал такой разговор малышей:

– Не плачь, он ударил нечаянно.

– Нет, *чаянно*, *чаянно*, я знаю, что *чаянно*!

Есть целая категория слов, не существующих во «взрослом» языке без отрицания. Таково, например, слово *ожиданный*. Без приросшего к нему отрицания оно в новейшей литературе уже не встречается. Стандартной формой стало: «неожиданный», но в прежние времена то и дело читали:

«*Ожиданное* скоро сбылось...» (Щедрин).

«Вместо *ожиданной* знакомой равнины...» (Тургенев).

---

¹³ Литературное наследство, т. 65. М., 1958, с. 129.

¹⁴ Ср. у Полежаева: «И уклужистые бары» (А. И. Полежаев, Стихотворения. М.–Л., 1933, с. 323), и у Игоря Северянина: «Ты послушай меня, мой уклужий...»

Некрасов в 1870 году ввел это слово в поэму «Дедушка»:

Вот наконец приезжает
Долго *ожиданный* дед, –

но в первом же издании той книги, где была вторично напечатана эта поэма, счел необходимым изменить всю строку:

Вот наконец приезжает
Этот таинственный дед.¹⁵

Дети не одобрили бы этой поправки. Ибо слово «ожиданный» живо для них и сейчас.

Лет двадцать назад я подслушал такой диалог:

– Отстань, я тебя ненавижу.

– Я тебя тоже не очень *навижу*.

И то же самое довелось мне услышать недавно:

– Мама, я не могу *навидеть* пенки.¹⁶

Словом, дети и знать не желают этого нерасторжимого сращения приставки и корня; и попробуйте скажите трехлетнему Юре, что он говорит нелепости, – он запальчиво ответит: «Нет, *лепости!*»

Вообще всякое «не» обижает детей:

– Ненаглядная ты моя!

– Нет, *наглядная!*

Я сказал на Кавказе двухлетнему загорелому малышу:

– Ух, какой ты стал негритенок.

– Нет, я *гритенок*, *гритенок*.

Неустанно вникая в структуру всякого сложного слова, дети часто воскрешают в своих речах то далекое прошлое, когда еще не наблюдалось такого сращения служебных частиц и корней. От слова «лепости» так и пахло стариной, когда лепым называлось ладное, гармоничное, стройное.

Вспомним: «Не *льпо* ли ны бяшетъ, братие» – в «Слове о полку Игореве», а также: «У людей-то в дому чистота, *лепота*» – в «Песнях» Некрасова (1866).

Другое старинное слово я слышал от детей много раз, когда говорил им «нельзя». Они отвечали: «Нет, *льзя*». И это *льзя* напоминало Державина:

Льзя ли розой не назвать?

Льзя, *лепый*, *вежа*, *чаянно* – эти древние слова умерли лет полтора назад, и ребенок, не подозревая об этом, воскрешает их лишь потому, что ему неизвестна их неразрывная спайка с частицей «не», установившаяся в давней традиции. Он вообще не знает никаких исключений из общего правила, и если эти исключения относятся к позднейшей эпохе, то, игнорируя их, он тем самым возвращает словам их забытый смысл. Помню возглас одного четырехлетнего воина:

– Я *пленил* Гаврюшку, а он убежал!

Пленил, то есть взял в плен.

---

¹⁵ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. III. М., 1949, с. 8 и 422.

¹⁶ То же в неизданном дневнике Ф. Вигдоровой: «Мама, ты нас ненавидишь, а мне надо, чтобы ты нас навидела». Там же есть слово «чаянно».

Это архаическое слово почти совсем забыто в нашей речи, и если мы употребляем его, то чаще всего в переносном смысле («она пленила меня красотой»), а ребенок вернул ему его прямое значение, оглаголив существительное «плен».

Таким же архаистом поневоле оказался малыш, закричавший своему брату во время игры:

– Я тебе приказываю, – значит, я твой *приказчик*!

В старину приказчиком был действительно тот, кто приказывал, а не тот, кто подчинялся приказам. Ребенок – по аналогии со словами «указчик», «заказчик» – возвратил «приказчику» его утраченную руководящую роль.

Он и она

Замечательна чуткость ребенка к родовым окончаниям слов. Здесь он особенно часто вносит коррективы в нашу речь.

– Что ты ползешь, как черепаха? – говорю я трехлетнему мальчику.

Но он уже в три года постиг, что мужскому роду не пристало иметь женское окончание «а»:

– Я не черепаха, я *черепах*.

* * *

Вера Фонберг пишет мне из Новороссийска о следующем разговоре со своим четырехлетним сыном.

– Мама, баран – он?

– Он.

– Овца – она?

– Она.

– А почему папа – он? Надо бы *пан*, а не папа.

Другой такой же грамматический протест:

– Мама, у меня на пальце *царап*!

– Не царап, а царапина.

– Это у Муси если – царапина, а я мальчик! У меня *царап*!

От четырехлетней Наташи Жуховецкой я слышал:

– Пшеница – мама, а пшено – ее деточка.

О такой же классификации родовых окончаний, произведенной одним дошкольником, мне сообщают из Вологды:

– Синица – тетенька, а дяденька – *синиц*.

– Женщина – русалка. Мужчина – *русал*.

Начинают играть:

– Я буду барыня, ты, Таня, слуга, а Вова будет *слуг*.

Позже, к семилетнему возрасту, дети начинают подмечать с удивлением, что в русской грамматике слова одной и той же категории бывают и мужского, и женского рода:

– Мам! Москва – она, и Пенза – она. Ростов – он, Смоленск – он.

Когда отец Алены Полежаевой укоризненно сказал ей: «Ляля – бяка», она тотчас же от этого женского рода образовала мужской:

– Папа – *бяк*! Папа – *бяк*! Папа – *бяк*!

– Папа, ты *мужчин*! – говорит Наташа Маливицкая, так как с окончанием *а* у нее связано представление о женщинах. Это представление в некоторой степени свойственно также взрослым. Недаром в народе говорят: «с мальчишком», «с дедушком».

Трехлетний Вова играет в уголке:

– Бедный ты зайчонок... Тебя *пьяниц* сбил...

Очевидно, для его языкового сознания только женщина может быть «пьяницей».

«Клевачий петух»

На предыдущих страницах мы говорили главным образом о той любопытной структуре, которую малолетние дети придают глаголам и существительным. Имена прилагательные сравнительно редко встречаются в речи детей. Но даже в том небольшом их числе, которое удалось мне собрать в течение очень долгого времени, тоже явственно выразилось присущее детям чутье языка:

- *Червячее* яблоко.
- *Жмутные* туфли.
- *Взбеситая* лошадь.
- *Дочкастая* мамаша.
- *Зоопарченный* сторож.
- *Грозительный* палец.
- *Пугательные* сказки.
- *Сверкастенький* камушек.
- *Молоконная* кастрюля.
- Какой *окоишный* дом!
- Какой песок *песучий*!
- Вся кровать у меня *крошкинная*.
- Что ты мне даешь *слепитые* конфеты?
- *Зубовный* врач.
- У нас электричество *тухлое*.
- *Жульничная* я, все равно как мальчишка.
- *Брызгучая* вода.
- *Насмарканный* платок.
- *Лопнутая* бутылка.
- Ты, мама, у меня *лучшевсехная*!
- Это *рыбижирная* ложка?
- Я не хочу эту сумку: она вся *дыркатая*.
- Этот дом *высокей* нашей почты.
- Почему у ящерицы *людины* пальцы?
- Наше радио очень *оручее*.
- Уж лучше я *непокушанная* пойду гулять.
- *Исчезлая* собака.
- *Клевачий* петух.
- *Раздавитая* муха.
- *Креслые* ноги.
- *Махучий* хвост.

(Несколько иначе у Чехова: «насекомая коллекция».)

Галочка четырех лет похвывается:

– Говорят: надень чулки – надеваю носки! Говорят: надень носки – надеваю чулки. Я вообще *наоборотливая*.

Мальчик услышал, как некая купальщица сказала на пляже:

– Я прямо с ума сошла. Купаюсь четвертый раз.

И спросил у матери часа через два:

– Куда она ушла, *сумасошлатая*?

Четырехлетняя Майя:

– Лес *заблудительный*, *однойнелзяходительный*.

Несмотря на всю свою причудливость, каждое из этих прилагательных, изобретенных малым ребенком, вполне соответствует духу русской народной речи, и я не удивился бы, если бы в каком-нибудь из славянских языков оказались такие слова, как «*червячее яблоко*» или «*заблудительный лес*».

Скрещивание слов

Из созданных ребенком прилагательных мне особенно пришлось по душе слово «блистенький»:

– Моя чашка такая *блистенькая* (блестящая и чистенькая сразу).

Блистенький – синтетическое слово. В нем слиты два разных слова, корни которых различны. Таково же услышанное мною недавно: *бронемецкая* машина.

Замечу кстати, что такое скрещивание двух разных корней наблюдается не только в прилагательных.

– Я *поломою* (мою полы).

– Где же твоя *волосетка*? (сетка для волос).

– Я *безумительно* люблю кисанек! (безумно плюс изумительно).

К этой же категории относится слово *переводники* – переводные картинки.

Недавно мне сообщили о маленьком Юре, которого взрослые назойливо спрашивали:

– Чей ты сын?

Вначале он всякий раз отвечал:

– Мамин и папин!

Но потом это ему надоело, и он создал более краткую формулу:

– *Мапин!*

* * *

– Смотрю, какая *жукашечка* ползет! (жук плюс букашечка).

* * *

– Давай сделаем из снега *кучело*! (куча плюс чучело).

* * *

Примеряет бескозырку:

– Шапка с *морякорем* (моряк плюс якорь).

* * *

Кира, лет двенадцати, крикнула:

– Мама, дай мне, пожалуйста, *люксу*!

Я не понял, чего она хочет.

– *Луксус* – это лук с уксусом, – пояснила мне Кирина мать. – Кира, когда была маленькая, так быстро произносила «лук с уксусом», что у нее получался «*луксус*». Слово это осталось в нашей семье навсегда.

* * *

Владимир Глоцер в детстве кого-то обозвал *подхализой* (подхалим плюс подлиза).

* * *

Четырехлетняя Маша Пантелеева создала такое же составное словечко: *марточка* (марка плюс карточка).¹⁷

* * *

Трехлетняя Таня Дубинюк.

– У моего папы тоже такой *пиджакет* (пиджак плюс жакет).

* * *

И вот гибрид паука с тараканом:

– Мама, я боюсь, на полу *паукан*!

* * *

Луксус, мапин, пиджакет, паукан, подхализа, волосетка, безумительно, блистенький – подобные составные слова создаются не только детьми. И. Е. Репин в своей книге «Далекое близкое» выразился, например, о газетных писаках, что они «*шавкали* из подворотни». Это была обмолвка. На самом деле он хотел написать «тявкали, как шавки», – но слово «*шавкали*» так выразительно, что отказаться от него было жалко, и я как редактор книги свято сохраняю его в репинском тексте.

Когда два схожих слова вклиниваются одно в другое так, что в результате получается новое, состоящее из двух приблизительно равных частей, это слово называется гибридным. Примером такого гибрида может служить слово *драмедия* (драма + комедия); слово это придумал один из друзей Чарли Чаплина, стремившийся охарактеризовать те своеобразные кино-спектакли, которые созданы гениальным актером.

«Его комедия балансирует на грани трагедии... Для этого подходящее название – *драмедия*».¹⁸

Таким же гибридом является другое английское слово *смог*, сложенное из двух слов: *смок* – дым и *фог* – туман.

«Смог, – говорит Сергей Образцов, – непроницаемый, рыжий, отравленный углеродом холодный пар»¹⁹

---

¹⁷ Л. Пантелеев. Наша Маша. Книга для родителей. Л., 1966, с. 259

¹⁸ Чарльз Чаплин-младший. Мой отец Чарли Чаплин. «Иностранная литература», 1961, № 7, с. 150.

¹⁹ С. Образцов. О том, что я увидел, узнал и понял во время двух поездок в Лондон. М., 1956, с. 174–175

Слово это возникло давно: оно встречается в английской газете «Daily News» уже в 1905 году. Знаменитый английский писатель Льюис Кэрролл, автор «Алисы в Стране Чудес», очень любил сочинять такие составные слова и называл их «слова-чемоданы».²⁰

По своей структуре эти «взрослые» слова-чемоданы – *драмедия*, *смог* и *шавкали* – ничем не отличаются от детских *волосеток*, *пауканов* и *луксусов*.

Типичные «ошибки» детей

Среди детских местоимений особенным своеобразием отличаются притяжательные:

– Это *чьиная* мама? *Ихинная*?

– Это *ктойтина* шляпа?

– Это *ктошина* девочка?

– Тетя Нина, а Волга *кавонина*?

Слово «чья» приходит сравнительно поздно.

Местоимения указательные нередко чудятся детям даже там, где их нет. Я, например, в раннем детстве был уверен, что этажерка – два слова: эта жерка. И говорил: «на этой жерке», «под этой жеркой» и проч. Теперь я убедился, что такую же ошибку совершают очень многие дети, чуть услышат слово «этажерка».

Писатель Юрий Олеша сообщил мне, что пятилетний Игорь Россинский наряду с «этой жеркой» ввел форму «та жерка». А другой пятилетний говорил: «та буретка» и «эта буретка».

Труднее всего малым детям даются капризные формы разноспрягаемых глаголов:

– Мой папа *воевает*.

– Не воевает – *войнует*.

Или:

– Лампа уже *зажгита*.

– Зачем ты говоришь «*зажгита*»? Надо говорить: «*зажгина*»!

– Ну вот, «*зажгина*»! *Зажгёна*!

Иногда этот лингвистический спор принимает форму монолога. Мальчик, спавший в одной комнате со мною, тихо говорил сам себе, уверенный, что я его не слышу:

– Мы *сплям*?

– Не...

– Мы *сплим*?

– Не...

– Мы *сплюм*?

– Не...

Так и не дошел до формы *спим*.

Вообще «неправильными» глаголами дети распоряжаются так, словно это глаголы правильные, и с математической точностью от одной формы производят по аналогии все прочие:

– Рыбка *оживела*.

– Бабушка меня скипидаром *потрила*.

– Ты не *дадошь*, а я *взяму*.

– Я вам *зададу*, подождите.

– *Нарисовай* мне барбоса.

– *Спей* мне песню о глупом мышонке.

– Котя Ляльку колотил, Ляля громко *визгала*.

– Когда дети входят в комнату, их *наслаждают* конфетами.

– Ты чувствуешь, как теплый глаз к твоему уху *прижмался*?

---

²⁰ «Вопросы языкознания». 1961, № 4, с. 140.

- Верка *плювается*.
- Уложила куклу спать.
- Я как только *лягну*, так и вижу сон.

Любопытно, что большинство изъясительных форм произведено здесь механически от повелительных: *лягну* от ляг, *зажала* от зажди, *потрила* от потри, *принесила* от принеси.

- Юрик меня *поцелул*.

А повелительные столь же прямолинейно производятся от неопределенного: *спей*, *нарисовай*, *причесай*.

- Я *искаю* револьвер. Она *драется*.

Впрочем, дети по инерции могут создать из любой глагольной формы любую глагольную форму.

- Наташа, идем в столовую.
- Не хочу *идёмить* в столовую.

И вот еще более яркий пример: повелительное наклонение глагола, произведенное от восклицания, не имеющего к глаголам никакого касательства.

- Боже мой! Боже мой! – ужасается бабушка, увидев, как измазался в глине ее четырехлетний Володя. Володе не нравятся ее причитания.
- Пожалуйста, не *божемойкай*! – говорит он сердито.

* * *

С. Изумрудова сообщила мне такой замечательный разговор двух четырехлетних девиц:

- А я твоего петушка *спря-та-ю* (очень протяжно).
- А я *отыскаю*.
- А ты не *отыскаешь*.
- Ну, тогда я *сядаю* и *заплакаю*.

* * *

- Ты же пил чай.
- Да не пил я. Я только *пивнул* капельку.

* * *

- Стрелка на часах *ходнула* разок.

* * *

- Ой, как *больнуло* живот!

* * *

- Я только немножко *откуснул* от пирожка.²¹

---

²¹ Ср. у Есенина: «Вот опять петухи *кукурекинули*».

* * *

– Пойдем в этот лес *заблуждаться*... Да что ты от меня все *ухаживаешь*?

* * *

Деревенской девочке сказали, что мы собираемся в лес, она спросила:
– *Всколькером?*

Это слово так очаровало меня, что, признаться, в первую минуту я даже подумал: ввести бы его в нашу «взрослую» речь. Нам его давно не хватает. Изволь говорить: «В каком числе человек вы собираетесь в лес?», когда можно коротко и прямо сказать: «Всколькером?»

Здесь ребенок (тоже вполне самостоятельно) подошел к самым истокам народной речи, ибо в народе на Севере бытует форма «сколькero», которая по аналогии с «пятеро», «шестеро» относится исключительно к одушевленным предметам.²²

* * *

Вообще для ребенка пластичны даже такие слова, форма которых, по убеждению взрослых, не подлежит изменению. Интересны формы сравнительной степени, образованные от таких слов, как *едва*, *нельзя*, *звезда*, *утро*, никогда не знавших этой формы.

Воспитательница детского сада сказала, например, об одном из питомцев:

– Бедный мальчик, он *едва* идет!

– Подумаешь! – ревниво отозвался другой. – Я, может быть, иду еще *едвее*.

* * *

Девочкам дали по белой кувшинке:

– Смотри, у меня как *звездочка*!

– А у меня еще *звездее*!

* * *

– Вставай, уже *утро*!

– Я буду ждать, когда станет *утрее*.

* * *

– За это *нельзя* братья, а за то еще *нельзяй*, да?

* * *

Благодаря многократным и единообразным воздействиям речи, которую ребенок с утра до вечера слышит от всех окружающих, в уме у него создаются соответствующие граммати-

---

²² «Сколькero (горностаев увернулись)». *Ел. Тагер*. Зимний берег. М., 1957, с. 46.

ческие обобщения; сам того не замечая, он умело и тонко применяет их к каждому данному случаю.

Возьмем хотя бы только что приведенное слово «*пивнул*». Конечно, суффикс «*ну*», означающий мгновенность, однократность, законченность действия, подсказан ребенку взрослыми, от которых он, несомненно, слышал «чихнул», «хлебнул», «глотнул», «повернул», «заглянул» и т. д. Да и самое слово «пивнул» существует в наших диалектах. Но ребенок его никогда не слышал, и то обстоятельство, что он в совершенстве постиг сложную экспрессию суффикса «*ну*» и так удачно применил свое обобщение к одному из тех слов, которым в обычной «взрослой» речи этот суффикс не свойствен, говорит о самостоятельной конструктивной работе ребенка.

– У меня *развязнулся* шнурок.

– У мамы коса *расплетнулась*!

Особенно выразительно звучит у детей суффикс «*ну*» в тех глаголах, в которые он не допускается взрослыми. Это видно из такого, например, диалога:

Кира. Мама, Лена кривляется!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.